

И. Н. БОРОЗДИН

**Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ ОБ ОСАДЕ И ВЗЯТИИ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ**

(Историографические заметки)

Современное реакционное буржуазное византиноведение, бесстыдно фальсифицирующее историю захвата Константинополя турками-османами и падения Византийской империи, неприкрыто идеализирующее турецкую агрессию и ее мнимо «благодетельные» последствия, является в известной степени носителем некоторых старых реакционных традиций в буржуазной историографии. Чрезвычайно интересно проследить, как в разные исторические эпохи объяснялись причины падения Византии и как трактовалось турецкое завоевание. Изучение этого вопроса показывает, в частности, что характерное для современных буржуазных византинистов «туркофильство» имеет свои «идейные» корни в прошлом: достаточно указать на своеобразную идею «турецкой реформации» в XVI в., фантастические представления о мифическом «великом турке» («Grand Turc») в XVII и XVIII вв., тенденциозное превознесение турок в противовес славянским народам в реакционной буржуазной историографии на Западе в XIX и начале XX в. В соответствии с этими концепциями, появление которых было обусловлено, разумеется, определенными политическими интересами тех классов, идеологами которых выступали создатели этих «концепций», трактовались и самый захват Константинополя турками и все перипетии турецкого завоевания Балканского полуострова, создавались легенды о «культурном» и «гуманном» султано-завоевателе Мехмеде II, о «благодетельных» последствиях турецкого господства для славянских народов и т. п. Современные буржуазные византинисты, таким образом, имеют своих идейных предшественников, правда, не всегда столь откровенно циничных, как они сами, в своем «туркофильстве» и ненависти к славянским народам.

Русское дореволюционное византиноведение, во многом дававшее отпор зарубежным фальсификациям, также не избежало серьезных ошибок в трактовке вопроса о падении Византийской империи и захвате Константинополя турками. Неправильный тон был задан вышедшим в 1854 г. первым трудом на эту тему — историческим исследованием М. М. Стасюлевича «Осада и взятие Византии турками». В дальнейшем весьма ошибочны были высказывания по этому вопросу такого крупного русского буржуазного византиниста, как Ф. И. Успенский. И в своей работе «Как возник и развивался восточный вопрос» (1886 г.) и в т. III «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенский с неправильных методологических позиций оценивает политику Мехмеда II: он говорит о «мягкости» и

«гуманности» турок, о якобы благотельном значении перехода Константинополя под власть султана и т. п.¹

Все эти извращения в области византийско-турецких отношений встречали решительную отповедь и резкую критику со стороны передовых русских ученых. Особенно интересно в этом отношении выступление великого русского революционного демократа Н. Г. Чернышевского, без малого 100 лет назад подвергнувшего острой и убедительной критике фальсифицированное изображение осады и взятия Византии турками.

Н. Г. Чернышевский, как известно, очень интересовался историей и много ею занимался. Статьи Н. Г. Чернышевского, посвященные историческим вопросам, свидетельствуют об его большой эрудиции, знании первоисточников, широком диапазоне его исторических интересов. Наибольшее внимание Н. Г. Чернышевский всегда уделял научным трудам отечественных историков. Он живо откликался на научные новинки по всеобщей и русской истории: его критические статьи на исторические сочинения и рецензии представляют значительный интерес. Выход в свет книги М. М. Стасюлевича «Осада и взятие Византии турками» привлек большое внимание Н. Г. Чернышевского, который поместил в печати две критические статьи-рецензии [(они были опубликованы в журналах «Отечественные записки» (1855 г., № 3) и «Современник» (1855 г., № 2)]². Интерес Чернышевского к работе М. М. Стасюлевича был вызван как важностью и актуальностью темы (книга появилась в момент обострения «восточного вопроса»), так и личностью самого автора исследования о падении Византии. Н. Г. Чернышевский хорошо был осведомлен о предшествующих научных выступлениях Стасюлевича: он не без иронии упоминает об его исследованиях и рецензиях, «которые все отличались одинаковыми качествами». Надо сказать, что Стасюлевич являлся присяжным рецензентом журнала «Москвитянин», издававшегося заядлым реакционером Погодиным, причем начал он свое сотрудничество в этом журнале с резкой и притом крайне поверхностной и неубедительной рецензии на докторскую диссертацию Т. Н. Грановского об аббате Сугерии³. Этот грубый выпад против популярнейшего профессора-просветителя вызвал оживленную полемику в печати: Н. Г. Чернышевский в своей статье о сочинениях Т. Н. Грановского с едким сарказмом отзывался о Стасюлевиче, вообразившем, по словам автора статьи, что «разбирать ученые сочинения так же легко, как переписывать чужие лекции»⁴. Н. Г. Чернышевский отнес Стасюлевича к «рутинистам»⁵, которые выступали против передовой исторической науки. Канонизированный буржуазной историографией один из «столпов» буржуазного либерализма в русской исторической науке, Стасюлевич весьма невысоко расценивался как ученый русскими революционными демократами — Н. Г. Чернышевским и позже Д. И. Писаревым.

Специалист по древней истории, затем превратившийся в медиевиста, Стасюлевич, повидимому, в погоне за модной темой, решил выступить в роли византиниста. Новый «труд» М. М. Стасюлевича был подвергнут Н. Г. Чернышевским суровой и основательной критике. Прежде всего Чернышевский обращает внимание на «оригинальность» взгляда Стасюле-

¹ Неправильные утверждения Ф. И. Успенского оговорены в редакционных примечаниях к т. III «Истории Византийской империи». М.—Л., 1948, стр. 795—796.

² Н. Г. Чернышевский. Соч., т. II. М., 1949, стр. 600—606 и 639—643.

³ Стасюлевич «критиковал» Грановского с позиции апологета «чистой науки»; особенно резко он нападал на положение Грановского о «пользе» науки для общества.

⁴ Там же, т. III. М., 1947, стр. 68.

⁵ Там же, стр. 367—368.

вича, заявляющего, что поводом к составлению исследования об осаде и взятии Византии турками была для него мысль, будто бы «Византия доселе остается загадкой во всемирной истории». Отметив, что «до сих пор никто этого не предполагал», Н. Г. Чернышевский доказывает несостоятельность этого претенциозного и бьющего на внешний эффект заявления¹. Весьма иронически относится Чернышевский и к заявлениям Стасюлевича о якобы полученных им «совершенно новых результатах» в изучении византийской истории, где до появления его сочинения, как уверял сам автор, все понималось «превратно». «Итак, г. Стасюлевич, — пишет Чернышевский, — хочет быть Шампольоном, Нибуrom византийской истории. Роль очень завидная, но для выполнения ее нужно много условий, из которых первое — основательное изучение предмета, без чего нельзя избежать промахов. Мы считаем нужным взглянуть на эту сторону труда его прежде, нежели займемся рассмотрением «совершенно новых результатов», до которых дошел исследователь византийской истории. Взглянем на пособия, при которых воздвигается новое здание: это уже дает нам возможность предугадывать его прочность»². И далее Чернышевский подвергает критическому разбору методические приемы Стасюлевича. Он уличает его в неумении пользоваться статистическими данными, в совершенно неправильных цифровых подсчетах, в путанице, происходившей от использования английского труда во французском переводе, в элементарном незнании византийских древностей и т. д. Так, Чернышевский отмечает совершенно неправильные, явно преувеличенные представления Стасюлевича о турецком флоте, в составе которого тот находил фрегаты и даже линейные корабли. Эти «линейные корабли и фрегаты, — пишет Чернышевский, — были в сущности небольшие галеры, а остальные суда — просто лодки». Выступая против ложного толкования Стасюлевичем вопроса о причинах продолжительности осады Константинополя, Чернышевский подчеркивает, что «турки не умели осаждать крепости не только тогда, но и теперь. А тогда, кроме того, они не умели даже стрелять из пушек».

Особенно резко упрекает Чернышевский Стасюлевича за произвольное и некритическое пользование первоисточниками. «Мы не считаем нужным доказывать, — пишет он, — что, не обращая внимания на хронологическую последовательность событий и правдоподобие «совершенно новых результатов», до которых доводит произвол, г. Стасюлевич также мало обращает внимания и на критическую оценку тех известий, которые кажутся ему ведущими к желаемому результату. Он произвольно берет из византийских летописей все, что ему нравится, произвольно отбрасывает все факты и объяснения, противоречащие его заранее составленному взгляду. Поступая подобным образом, можно доказывать все, что угодно. . .»³ Н. Г. Чернышевский справедливо полагает также, что нужно было расширить круг привлекаемых источников, а также обратить внимание на разработку затронутых в книге вопросов в новейшей историографии: «Скажем, однако, что если для истории осажденных главнейшим источником должны служить византийцы, то для истории осаждающего войска не бесполезно было бы пользоваться известиями турецких летописцев, сообщенными у разных новейших историков. Быть может, также не бесполезно было бы обратить более внимания не только на изложение фактов (это делает г. Стасюлевич), но и на соображения новейших историков — тогда противо-

¹ Возможно, что Чернышевский, критикуя Стасюлевича, имеет в виду также и академика А. А. Куника, который в «Ученых записках Академии наук» опубликовал в 1853 г. доклад: «Почему Византия донне остается загадкой во всеобщей истории».

² Н. Г. Чернышевский. Соч., т. II, стр. 601.

³ Там же, стр. 605—606.

положные им мнения г. Стасюлевича, быть может, получили бы более широты»¹.

Но главное внимание Н. Г. Чернышевский обратил на трактовку Стасюлевичем причин турецкой агрессии и роли Мехмеда II в захвате Константинополя турками. М. М. Стасюлевич, типичный историк-идеалист, придавал очень большое значение личности Мехмеда II, причем крайне идеализировал образ «султана-завоевателя» и весьма неправдоподобно определял основную направленность его политических устремлений. Н. Г. Чернышевский подвергает острой и едкой критике все эти произвольные утверждения Стасюлевича, запутавшегося к тому же в противоречиях. Подробно останавливаясь на характеристике Мехмеда II, дающейся Стасюлевичем, Н. Г. Чернышевский пишет: «Какое понятие имеете вы, читатель, о характере Мухаммеда II? Не правда ли, вы всегда думали, что он был мусульманин? Вы ошибаетесь: оставьте это «превратное понятие». Г. Стасюлевич отчасти намекает, что Мухаммед был втайне христианин; вот его подлинные слова: «Магомет был сын христианской рабыни; его мачеха, сербская принцесса (как? у турок бывают даже мачехи?), была также ревностною христианкою. Эти два обстоятельства не остались без влияния на его религиозные убеждения» и т. д. (стр. 53); после этого вы не удивитесь, что, по мнению г. Стасюлевича, Мухаммед II был кроток, миролюбив, правдолюбив, враг всяких завоеваний и всякой хитрости. Странно только, что на каждой странице у г. Стасюлевича вырываются фразы, противоречащие такому описанию. О том, что все факты, излагаемые в книге, противоречат его понятию о Мухаммеде II, мы не говорим... Заметим, однако, что, доверяя каждому слову византийского историка Францы (Франдзи. — И. Б.), г. Стасюлевич мог бы пожалеть об этом бедном отце, сын которого был зарезан Мухаммедом II по причинам, вовсе не делающим чести «прекрасному воспитанию» Мухаммеда II: ведь Франца рассказывает этот случай довольно ясно. Вспомнив этот поступок Мухаммеда II, г. Стасюлевич поверил бы и рассказу о причинах гнева этого доброго завоевателя на Луку Нотару, который не согласился пожертвовать своим сыном»². И тут же, в противовес измышлениям Стасюлевича, Н. Г. Чернышевский дает иную характеристику турецкого султана-завоевателя: «Мы не хотим выставлять Мухаммеда извергом, но он был истинный турок XV века: вспыльчив, славоблюбив, коварен и не щадил никого и ничего для удовлетворения своим страстям, из которых первая была страсть к завоеваниям»³.

Неверно охарактеризовав Мехмеда II, М. М. Стасюлевич в дальнейшем изложении столь же ошибочно и притом совершенно произвольно, не считаясь с фактами, изображает исторические условия захвата Константинополя турками. Здесь на первый план выдвинуто совершенно фантастическое толкование политических устремлений Мехмеда II (личной воле и намерениям которого придается исключительное значение), вынужденного якобы против своего желания завоевывать столицу Византийской империи и ведшего войну собственно не с греками, а с «латинцами». Н. Г. Чернышевский чрезвычайно остроумно разбирает довольно курьезную и претенциозную аргументацию Стасюлевича: «Но г. Стасюлевич, — пишет он, — делает неожиданное открытие: Мухаммед II был миролюбив: он не любил завоеваний; он со слезами на глазах, с горестью в душе решил на завоевание Константинополя, будучи вынужден прискорбною необходимостью к такому противному его правилам делу, как война. Во взятии Византии

¹ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. II, стр. 603—604.

² Там же, стр. 642.

³ Там же, стр. 604.

виноват не он. Кто же? — латинцы: они довели нежного Мухаммеда II до печальной крайности обнажить меч для собственного спасения. Он только защищался, а не нападал... И вы думали до сих пор, что Мухаммед II, осаждая Константинополь, хотел разрушить последний остаток завоеванного греческого царства, что он отнял Византию у греков? Это самое «превратное» понятие! Мухаммед, осаждая Византию, воевал с «латинцами» (которые, впрочем, были его союзниками и помогали ему в это время), а не с греками: он отнимал Византию не у Константина Палеолога, а у «латинцев». Вообще, не Мухаммед II, а «латинцы» хотели завоевать Византию. В этом состоят «совершенно новые результаты», излагаемые г. Стасюлевичем¹. И далее Н. Г. Чернышевский, восстанавливая хронологическую последовательность событий (с 1450 г.) в развитии византийско-турецких отношений, игнорируемую Стасюлевичем, доказывает с фактами в руках полную абсурдность научных «откровений» Стасюлевича, исказившего все перипетии сношений Византии с «латинцами» и с турками, запутавшегося в противоречиях и, в конечном счете, смешивающего причины со следствиями. Н. Г. Чернышевский уличает Стасюлевича и в том, что он тенденциозно пользуется первоисточниками; так, например, при описании переговоров византийских послов с везирем Мехмеда Халилпашой он опускает слова последнего, в которых султан охарактеризован как «завоеватель, презирающий все договоры, пренебрегающий всеми затруднениями». «Совершенно новым результатам», к которым в своем исследовании пришел М. М. Стасюлевич, Н. Г. Чернышевский противопоставляет свое, научно обоснованное понимание турецкой агрессии и причин захвата Константинополя турками. Он пишет: «И неужели можно думать, что Мухаммед II не желал завоевать Византию, а был принужден к тому? Это необыкновенно странно. Турки только и жили завоеваниями, расширение границ было единственной мыслью их. И не проще ли всего думать, что, постепенно отнимая одну область за другою у православных (греков и сербов) на Балканском полуострове, турки думали просто о завоевании этих областей, о грабеже, дани и владычестве, а не о том, приятно или неприятно это будет латинцам. Кажется, очень натурально думать, как и доказывают все без исключения факты турецкой истории XV—XVI столетий, что турки, делая завоевания, искали именно добычи и завоеваний. Неужели стремление завоевать последний город, оставшийся у греков, не было естественным следствием завоевания всех греческих областей? И мог ли честолюбивый Мухаммед II быть покоен, пока не завоевана им столица завоеванного царства?»²

Что же касается отношения Мехмеда II к пресловутым «латинцам», то Н. Г. Чернышевский к вышеуказанному добавляет: «Против латинян или против греков вел Мухаммед II осаду Константинополя, кажется очень ясно видно из того, что он осаждал греческую часть города, а с латинским предместьем его, Галатою, и не думал начинать вражды. Г. Стасюлевич сам ясно это говорит: «Ближайшие соседи осажденных греков, Галатские генуэзцы, поступили коварно: они объявили себя нейтральными, а во время осады даже помогали тайно туркам»³. Чернышевский подчеркивает тот факт, что западноевропейские государства вели предадельскую по отношению к Византии политику, — они не оказали ей никакой помощи против турок.

Серьезный, глубокий разбор сочинения Стасюлевича, данный Н. Г. Чернышевским, наглядно показывает, насколько неизмеримо более глубоко и правильно понимал Чернышевский ход исторических событий и насколько

¹ Н. Г. Чернышевский. Соч. т. II, стр. 604.

² Там же, стр. 641.

³ Там же.

правильнее, чем либерал Стасюлевич, оценивал турецкую агрессию и завоевание Константинополя турками великий русский революционный демократ. После его сокрушительной критики от «совершенно новых результатов» незадачливого «византиниста»¹ не осталось и следа.

Но дело не только в удачной критике неудачного произведения, а в том, что по принципиально важному вопросу о турецкой агрессии и захвате столицы Византийской империи турками Н. Г. Чернышевский со всей решительностью и во всеоружии исторических знаний выступил против порочных взглядов, проявлявшихся в современной ему буржуазной историографии.

В других своих работах Н. Г. Чернышевский особо подчеркивает то зло, которое принесло славянским народам Балканского полуострова жестокое, варварское турецкое иго. Он говорит о бесправном положении населения, угнетаемого ненавистными захватчиками, о зверствах, учиняемых разнужданными янычарскими ордами, свирепо истреблявшими коренных жителей славянских стран. Давая свое известное определение столь ненавистного ему «азиатства», Н. Г. Чернышевский в первую очередь имеет в виду турецкую деспотию. «Азиатством, — говорил он, — называется такой порядок дел, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность. В азиатских государствах закон совершенно бессилён. Опираясь на него — значит подвергать себя гибели. Там господствует исключительно насилие»². Занимая правильные позиции при оценке турецкого завоевания, Чернышевский, однако, уделял основное внимание внешней истории захвата Константинополя турками и не останавливался на внутренних причинах, социально-экономических условиях, приведших к падению Византийской империи и образованию агрессивной турецкой державы, ставшей оплотом реакции на Востоке.

Интерес Н. Г. Чернышевского к новым публикациям о захвате Константинополя турками не ограничился разбором книги Стасюлевича. В журнале «Современник» за 1855 г., № 5, Н. Г. Чернышевский сочувственно отмечает появление сочинения академика И. И. Срезневского «Повесть о Царьграде». Указав, что «Повесть о создании и взятии Царьграда» принадлежала к любимому чтению наших предков и дошла до нас во многих списках, Чернышевский пишет: «Уже по одному этому она заслуживала бы полного внимания, как важный памятник литературный, если бы и не имела важности для истории взятия Византии турками. Но сличение с важнейшими из греческих и западных описаний этого события показывает, что в нашей «Повести» есть много подробностей, не записанных ни в одном из других рассказов, и с тем вместе обнаруживает, что эта «Повесть», хотя и потерпевшая от позднейших вставок в известных ныне списках, должна быть почитаема рассказом, вовсе не лишенным исторической достоверности. Тем более становится она драгоценна»³. Здесь, как мы видим, Чернышевский подчеркивает значение «Повести» как исторического источника.

В наши дни, когда впавшее в маразм реакционное буржуазное византиноведение пытается всячески подновлять и реставрировать затрепанное и давно уже потерявшие всякий кредит антинаучные измышления буржуазных историков, решительное и принципиально острое выступление виднейшего представителя передовой русской общественной мысли прошлого века Н. Г. Чернышевского против фальсифицированного изображения осады и взятия Византии турками представляет несомненный интерес.

¹ После столь неудачного дебюта М. М. Стасюлевич больше уже не обращался к византийской тематике.

² Н. Г. Чернышевский. Сверхверие и правила логики. Соч., т. V. М., 1950, стр. 700.

³ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. II. М., 1949, стр. 693.